

Мужиков-то ведь всех на войну позабирали, а уж осень скоро — хлеба-то убирать надо, вот нас и учили быстро.

Я училась-то больше практикой. У нас там комбайн был, по которому мы учились-то, дак я приду на практику-то, всё везде отвинчу, да посмотрю что как устроено да работает как. А которые там у нас лентяи-то: больше теорией всё учились, придут на практику-то да и бегают; вот, говорят, мы по книжке, по книжке изучим, а потом ничего не понимают, дак они и не знали ничего.

Потом нас поведут; там у нас на стене карта такая большая была, где комбайн-то показан и указка такая дли-инная; вот нас и спрашивают по карте-то: где у комбайна шредер, где барабан, где со-ломотряс; да всё спрашивали — всё надо указкой-то показать. А я раз сама на практике-то всё развинтила, да посмотрела так и знаю где чёво. Всё покажу правильно, всё расскажу, как работает, мне и говорят: «Глебова, тебе отлично!», а то хорошо скажут.

Вот я в колхоз-то из Устюга и приехала с хорошими отметками. После окончания курсов я сразу стала работать в Пызмасском МТС, село Лединская помощником комбайнера у Лобанова Ивана Ермиловича. Обучение шло прямо во время работы: Иван показывал что и как надо делать, уходил с комбайна, ложился на копну и наблюдал за тем, как я справлялась с управлением комбайном. Комбайн был прицепной, назывался «Северный», его таскал за собой колёсные трактор, трактористом была Лобанова Анна.

Лобанов хороший комбайнер был, его на броне из-за этого оставили, на войну не взяли. Он меня и учил на комбайне-то как всё на работе-то надо.

Вот вечером закончим работу, поставим комбайн-то и полотно ослабляем, потом ремни ослабляем, чтобы отдыхали ночью-то. Потом солому таскаем, чтобы от росы укрыть его. Я и таскаю солому-то ношами большу-ушшими, а он говорит:

— Паня, ты знать-то дояркой работала?

— Нет, — говорю.

А он говорит:

— Ты такие ноши таскаешь!

— Меня дома так научили, — говорю.

Он меня уважал, говорил:

— Ты всё девка умеешь, молодец!

Иван-от Лобанов взял к себе на евонн-от комбайн. Хороший человек был. Если его на войне не убили, дак дай бог здоровья ему. Он мне всё про комбайн-от расскажет, покажет всё ладом-чередом. Этот комбайн-от он мне и оставил. А помощником-то дали мне (пауза), тракторист ли кто ли он был..., Коля Мамин.

А потом его на войну-то всё-таки взяли, а комбайн-от евонный мне отдали, и я на нём работать стала самостоятельно.

У нас в гараже там был механик Иван Прокопьевич Крашениников, маленький такой мужичок, так он всё хвалил меня за то, как я за комбайном-то ухаживала. Вот в гараж-то приеду на ремонт, так все цепи сниму, проварю их в старом автоле, поставлю на место, натяжение сделаю как надо. Потом прошприцую все подшипники-то, а у комбайна много валов-то на подшипниках, все смазать надо. Вот он подойдёт, по плечу меня похлопает:

— Молодец, молодец!

Душа радуется у него, как я отремонтирую свой комбайн.

В то время хлеба убирали еще и конными жнейками, за ними колхозницы вязали снопы и складывали их в суслоны. После того как хлеба в суслонах просохнут, их свозили в деревню к оставшимся от богатых жителей хранилищам — гумно называлось.

Зимой мой комбайн подтаскивали к гумну и я молотила зерно из гумна. Свой комбайн никому не доверяла, поэтому он работал без отказно. Для подачи снопов в барабан комбайна назначали специальных работниц, но я эту работу никому не доверяла и снопы подавала в барабан сама, прислушиваясь к тому, как гудит барабан, чтобы не было поломки от перегрузки. Потом к весне сама в МТС отремонтировала комбайн, меня стали уважать, приглашали на собраниях в президиум, ставили в пример другим.

В 1942-то году я уже работала старшим комбайнером; трактористом была Лобанова Анна и я за сезон убрала сто двадцать гектаров.

Потом я выучила трактор и стала трактористом; трактор был №5 Харьковского Сталинского завода. Работала и комбайнером и трактористом, пахала поля трёх-корпусным плугом, таскала сеялки на посевной, работала на тракторе с комбайном. Всё это время я жила у мамы в Половинке. Работали одни бабы, было тяжело и я опять много раз просилась отпустить меня из колхоза, но ни за что не отпускали.

Приходилось самим ремонтировать трактор, устанавливать магнето, регулировать зажигание и карбюратор. Во время работы надо было регулярно останавливаться и мерять масло в моторе, смотреть воду в радиаторе и слушать за стуками в двигателе. Если появился стук, так сразу делала перетяжку подшипников коленвала. При этом сначала открываю смотровые люки с левого-то боку мотора и на ощупь проверяю люфт в каждом шатуне. Если люфт большой, дак уж перетяжку делать надо, а то нарушится коленвал-то дак и посадить могли как за вредительство — тогда строго было — война ведь!

— А перетяжку-то как делали? (Авт.)

— Дак как: надо было залезти под трактор-от и картер снять, а потом уж у шатуна, который слабо-то, надо снять крышку и подложить латунную прокладочку — у меня они всегда были с собой. Это и называлось перетяжкой. Потом всё собираю обратно и надо было заводить, а заводили рукояткой и после перетяжки одной мотор не завести — надо кого то звать на помощь и заводили, привязав к рукоятке верёвку, карбюратор переключали на бензин. А вообще мотор работал на карасине, а для бензина на тракторе сзади был дополнительный маленький бачок. Заводить мотор было опасно, так как, если зажигание было ранним, при заводке мотор сдавал и рукоятка могла нанести увечья; бывало, што даже ломало руки, а Коле мамину (прозвище) рукояткой сломало нос.

Я перед тем как заводить мотор в холодную погоду, выворачивала свечи, чистила их, укладывала на испаритель и прогревала. Потом заворачивала свечи, переключала карбюратор на бензин и пробовала заводить. Как-то мотор у меня всё с первого раза заво-

дился. В тёплую погоду он у меня на бензине-то без подогрева свечей заводился, а прогретый-то дак я заводила прямо на карасине.

Какое-то время я пахала, а мотор стал дымить, стал плохо тянуть. Я посадила за руль напарницу, велела ей ехать на первой скорости и на малом газу, а сама решила подрегулировать карбюратор прямо на ходу трактора. Я была в лаптях, а верёвка у лаптя развязалась — я этого не заметила и, когда шла между передним и задним колёсами и регулировала карбюратор, то верёвка-то и попала под заднее-то колесо трактора. Я как-то успела отскочить в сторону и упала на землю, но колесо краем ногу-то мне всё-таки придавило. Слава Богу хоть не шипом, а то бы без ноги осталась я, а так нога-то осталась цела, хотя и болела — я долго ходила хромала.

Но карбюратор-то я тогда отрегулировала хорошо — трактор хорошо тянуть стал

